

Д.Н. Апханова

Бурятский государственный университет

**Творчество улигершина П.М. Тушемилова
в контексте унгинской эпической традиции**

Аннотация: В данной статье рассмотрен процесс формирования сказительского мастерства улигершина в локальной эпической традиции. Сопоставлены сюжетообразующие мотивы, имена собственные, постоянные формулы в текстах четырех знаменитых сказителей унгинской долины.

In the article was considered the process of forming of story-telling art of uliger-shin in the local epic tradition. Were compared plot-making motives, names, constant formulas in the texts of four famous story-tellers of ungin valley.

Ключевые слова: Бурятский эпос «Абай Гэсэр», эпическая традиция, сказительство.

Buryat epos «Geser», epics tradition, story-telling.

УДК: 398.22.

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16. БГУ, филологический факультет. Тел. (3012) 21-15-80. E-mail: dolgor.73@mail.ru.

Изучение процесса формирования сказительского мастерства улигершина с учетом локальной эпической традиции дает возможность выявить специфику формирования эпического репертуара сказителя. Исследование этой проблемы является задачей не из легких, так как варианты улигеров предшественников П.М. Тушемилова неизвестны и не зафиксированы, кроме записи М.Н. Хангалова от Петхоба Тушемилова (1893).

Такая возможность открывается при анализе текстов четырех талантливых сказителей унгинской долины: Пёохона Петрова, Парамона Дмитриева, Николая Иванова и Папы Тушемилова. Варианты эпоса «Абай Гэсэр», записанные от них, опубликованы с биографическими сведениями об улигершинах.

Вышеназванные улигершины представляют унгинскую эпическую традицию. Улигершин Пёохон Петров (1866–1943) жил на острове Уйга в улусе Хадахан Аларского района Иркутской области. Парамон Дмитриев (1883–1958) всю свою жизнь прожил в улусе Ворот-Онгой Нукутского района Иркутской области. Николай Иванов (1898) уроженец улуса Бирит б. Зунгаро-Быкотского хошуна, Зунгарского рода, Балаганского уезда Иркутской области. Папа́ Тушемилов (1877–1954) родился в улусе Нижний Мельхитуй Нукутского района Иркутской области.

Исполнители бурятского героического эпоса «Абай Гэсэр» разделяются на «передатчиков» и «импровизаторов» (М.И. Тулохонов). К исполнителям устоявшегося традиционного канона (исполняли так, как выучили) относится П. Петров, он не вносил никакие изменения в сюжеты.

Улигершин Парамон Дмитриев был также потомственным сказителем. По свидетельству собирателей фольклора, свой репертуар он перенял от своего отца – улигершина Дылгира Дмитриева. Улигер «Абай Гэсэр» он воспринял от талантливого улигершина Жарбахи Малахинова, которого он считал своим учите-

лем. Об улигершине Н. Иванове собиратель С.П. Балдаев не оставил никаких сведений.

По всей вероятности, жизненные пути этих сказителей когда-то пересекались. В доме Тушемиловых часто собирались земляки. Они тесно общались между собой, ездили друг к другу слушать улигеры, онтохоны-сказки. Также специально приезжали известные улигершины Унги, как П. Дмитриев, П. Петров, Б. Жатухаев, А. Васильев. Обмениваться мнениями, знакомиться с манерой исполнения улигеров приезжали улигершины не только из Иркутской области, но и из дальних улусов Тункинской долины, находящиеся в трехстах километрах. Творческое общение улусных и приезжих сказителей обогащало их эпический репертуар. Такие контакты не проходили бесследно. Присутствуя на выступлениях знаменитых улигершинов, слушатели и будущие сказители запоминали улигерные фрагменты, и таким образом обретали возможность обогащать свой репертуар.

Сопоставление сюжетобразующих мотивов, собственных имен, постоянных формул, характерных только для унгинской эпической традиции, дает возможность выявить основу текстов П.М. Тушемилова.

Сравнительный анализ текстов улигершинов П. Петрова, П. Дмитриева, Н. Иванова, П. Тушемилова показывает, что они близки по композиции и стилю. Многие эпизоды и мотивы в их эпических повествованиях совпадают. Так, у названных четырех сказителей в сюжете «Вражда и борьба небожителей» завязкой является раздор двух небожителей из-за овладения срединным Сэгэн-Сэбдэг тэнгрием. Однако мотивы раздора у каждого улигершина описаны по-разному. У сказителя П. Дмитриева западные и восточные тэнгрии спорят из-за овладения срединным небожителем двадцать лет. Данный мотив борьбы похож с эхиритбулагатским вариантом в исполнении М. Имегенова, где Хан-Хормос тэнгрий (у Дмитриева), забыв о сроке сражения, гуляет. В варианте П. Петрова борьба начинается с мотива болезни дочери Нара-Дулан тэнгрия – Наран-Гохон абхай. Болезнь была наслана Атай-Улан тэнгрием. Если Наран-Гохон умрет, то пятьдесят пять западных тэнгриев должны подчиниться сорока четырем восточным тэнгриям. У П. Тушемилова предметом спора небожителей становится красавица-дочь срединного небожителя Сэгэн-Сэбдэг – Сэсэг Ногон абхай. С аналогичного мотива начинается раздор небожителей в варианте Н. Иванова. Также у П. Тушемилова имеется второй вариант улигера, где раздор двух небожителей происходит из-за скрытого мотива овладения центром восточным небожителем Атай Уланом.

Таким образом, мотивы раздора в интерпретации сказителей свидетельствуют о существовании разных его трактовок. Совпадение в трех вариантах происходит в эпизоде сражения сына Хан-Хюрмас тэнгрия с тремя сыновьями восточного небожителя Атай Улана. В дмитриевском тексте на схватку выходит средний сын Бэлигэн Тугдэр, в петровском – младший сын Бухэ Бэлигтэ, у Тушемилова – старший сын Заса Шухэр Мэргэн (в записи И.Н. Мадасона, 1940 г.), средний сын Мэргэн-Тухултур (в записи Т.М. Болдоновой, 1948 г.). В варианте Н. Иванова данный эпизод отсутствует. Идентичность во всех вариантах проявляется в описании превращения трех сыновей Атай Улана в трех шараблинских ханов. Хотя у всех улигершинов имена героев не совпадают, однако совпадают основные мотивы.

Следует отметить, что улигершин П. Тушемилов пополнил свое повествование еще одним мотивом – раздора тэнгриев (запись И.Н. Мадасона, 1940, 93 с.). Это является свидетельством того, что в памяти улигершина сохраняется не один сюжет, а несколько вариантов одного и того же улигера, которые бытовали в унгинской эпической традиции.

Текст в записи 1940 г. (93 с.) П. Тушемилова наиболее близок к варианту Н. Иванова. Так, при описании эпического мира оба сказителя прибегают к иден-

тичным сравнениям, они одинаково характеризуют жизнь небожителей. Природа и мир животных в эпическом описании только зарождающиеся: «Когда сандаловое дерево было еще деревцем, когда великая гора Сумер была еще холмиком». Также схожесть наблюдается в описании сбора тэнгриев и баторов у срединного небожителя.

«Абай Гэсэр Богдо хан» в записи И.Н. Мадасона 1940 г. (93 с.) от П.М. Тушемилова	«Абай Гэсэр хан» в записи С.П. Балдаева 1940 г. от Н.Т. Иванова
Сэгээн-Сэбдэг тэнгэри Сэсэн-Угаан хатантаяа Олон сагаан баатаршуулые Угтан абан байбал лэ. Һара һараар хэмнэжэ, Һайхан зугаа хэнэ лэ. Жэл жэлээр хэмнэжэ, Ехэ зугаа хэнэ лэ. <...>Архи уужа алмайрна, Тамхи татажа талмайрна. Сэсэг-Ногоон абхайн Һайн һайхые хархадаа, Олон дүүрэн һанааниинь Обооржо байбал лэ, Обтой улаан зүрхэниинь Һабалдажа байба лэ.	Сэгээн-Сэбдэг тэнгэри Сэсэг-Угаан хатантаяа Олон сагаан тэнгэришүүлые Угтан абан байба лэ. <...>Һараар хэмнэжэ, Һайхан зугаа хэбэ. Елээр хэмнэжэ, Ехэ зугаа хэбэ. Архи уужа алмайрба, Тамхи татажа талмайрба. Сэсэг-Ногоон абхайе хархадаа, Олон һанааниинь Обоорон гаража байба лэ, Обтой зүрхэниинь Хүдэлэн байба лэ.
Сэгэн-Сэбдэг тэнгэри Со своей женой Сэсэн-Уган Многих белых богатырей Встречая, принимают их. Месяц за месяцем измеряя, Приятную беседу вели. Год за годом измеряя Большой разговор вели. Выпивая архи, блаженствовали, Выкуривая табак, наслаждались. Сэсэг-Ногон абхай Доброту, красоту увидев, Переполненные их помыслы Стали скапливаться. Задорные красные сердца их, Стали биться. [стк. 474–493, пер. наш]	Сэгэн-Сэбдэг тэнгэри Со своей женой Сэсэг-Уган Многих белых небожителей Встречая, принимают их. Многочисленных белых бурханов Встречали, принимали. Месяцами измеряя, Приятную беседу вели. Годами измеряя, Большой разговор вели. Выпивая архи, блаженствовали, Выкуривая табак, наслаждались. Увидев красавицу Наран-Гохон, Многие их мысли Скапливались, поднимались. Задорные сердца их, Бились [колотились]. [стк. 143–159, пер наш]

Детские подвиги Гэсэра во всех четырех вариантах описаны одинаково. В них герой характеризуется как несносный пачкун. В текстах П. Петрова и П. Тушемилова родители на ночь выносят ребенка на горку. В варианте Парамона Дмитриева героя бросают в колодец. В варианте Н. Иванова его оставляют у медвежьей берлоги, у каменной пещеры. Таким образом, мотив гонимого героя сохранен в унгинской эпической традиции.

Кроме этих эпизодов, у П. Тушемилова во всех вариантах совпадают такие основные мотивы, как женитьба героя (на Тумэн Жаргалан, Урмай Гохон, Алма Мэргэн), борьба с чудовищами (Абарга Сэсэн мангадхаем, тигром Орголи, Гал-Дулмун ханом, Шэрэм Мината мангадхай (у Петрова), кроме борьбы Гэсэра с Лобсогдой мангадхаем) с тремя шараблинскими ханами, Гумэн-Сэсэн ханом.

Борьба с ханами отражена только в унгинской эпической традиции. Д.А. Бурчина, подробно рассмотрев варианты Гэсэриады западных бурят, отмечает, что унгинская эпическая традиция отражает дальнейшее развитие улигерной традиции бурят. В ней тематический и жанровый диапазон значительно шире, чем в архаичных эхирит-булагатских улигерах. Основным содержанием эхирит-булагатского эпоса является героическая борьба за суженую. В унгинском же эпосе данный мотив отходит на задний план. В нем усиливаются такие героические мотивы, как борьба с ханами-захватчиками. Антиподами главного героя являются не только чудовища-мангадхай, но и родственники, и ханы [Бурчина, 1990, с. 6]. Все эти сюжеты и мотивы отражены в текстах трех известных унгинских улигершинов П. Петрова, П. Дмитриева, П. Тушемилова. У Н. Иванова отсутствуют эпизоды сражения Гэсэра с ханами.

Улигершины одинаково описывают портрет красавицы. Одинаково характеризуются противники Гэсэра и богатство главного героя. Таким образом, схожесть проявляется как в описании отдельных эпизодов и мотивов, так и в выборе улигершинами художественных средств при эпических описаниях, передаче диалогов.

В унгинской эпической традиции выявлены одинаковые типические места, постоянные формулы, характерные для определения борьбы Абай Гэсэра с чудовищами (при описании седлания богатырского коня, богатырской езды, преодоление пространства, физического состояния богатырей во время боя, равновесие сил, последствия борьбы: влияния на окружающую среду, при характеристике накала борьбы, победы богатыря и т.д.).

Устойчивость формул, определяющих равновесие сил противников, в приводимых ниже вариантах передается так:

П. Петров	П. Дмитриев	Н. Иванов	П. Тушемилов
Тэмээндэ хаяа болохоо, Тэн адли, Мориндо хаяа болохоо, Мүн адли. Если взвалить на верблюда, Они одинаковы, Если бросить на коня – Они равны. (Абай Гэсэр, стк. 508–511, пер. наш)	Тэмээндэ хаяа хаа, Тэн адли байба. Мориндо хаяа хаа, Мүн адли байба. Бросить на спину верблюда, Они одинаковы, Бросить на спину коня, Они одинаковы. (Гэсэр, стк. 797–800, пер. наш)	Тэмээндэ ашахаар, Тэнхэн адли байба. Мориндо хаяхаар, Мэнхэн адли байба. На верблюда навьючить, Они одинаковыми были. На коня взвалить, Они равными были. (Абай Гэсэр хаан, стк. 2286–2289, пер. наш)	Тэмээндэ хаяа хаа, Тэнгэй адли тулаба. Мориндо хаяа хаа, Мэн адли тулаба. Бросить на спину верблюда, Одинаково сражались, Бросить на спину коня, Одинаково боролись. (Абай Гэсэр, стк. 4313–4316, пер. наш)

Сравнение четырех эпических формул, описывающих равновесие сил героев, показывает идентичность. Однако наблюдаются различия: в записи П. Петрова первая и третья формулы расширены за счет глагола «болохоо». В двух других текстах также отличаются глаголы: в записях П. Дмитриева, Н. Иванова употреблен глагол «байба» – ‘был’, в записи П. Тушемилова «тулаба» – ‘сражался’. Н. Иванов использовал глагол «ашахаар» ‘навьючить’. Так, данное описание унгинские улигершины передают аналогично, кроме синонимичных глаголов в формулах, которые выражены с несколько иными лексическими значениями.

В следующем примере встречаются близкие по содержанию и словесному оформлению типические места:

П. Петров	П. Дмитриев	Н. Иванов	П. Тушемилов
Дараша үбэй дайгаа дарабабди гэжэ, Булиша үбэй дайгаа булибабди гэжэ. Непобедимого врага своего подавили, – говоря. Неодолимого врага своего догнали, – говоря. (Абай Гэсэр, стк. 4234–4235, пер. наш)	Дайгаа дарабаб, Даагаа хүлдэбэб гэжэ Врага своего я подавил, Лончака своего поймал за хвост, – говоря. (Гэсэр, стк. 880–881, пер. наш)	Дайгаа дарабаб, Дархан солоёо абааб. Врага своего я подавил, Свою славу кузнеца я обрел. (Абай Гэсэр хан, стк. 2508–2509, пер. наш)	Дайгаа дарабаб гэжэ, Даагаяа хүлдэбэб гэжэ Врага своего я подавил, говоря, Лончака своего я поймал за хвост, говоря. (Абай Гэсэр, стк. 6271–6277, пер. наш)

Так, в записях П. Дмитриева, Н. Иванова и П. Тушемилова победа героя передается двумя формулами. Глаголы в них стоят в первом лице, на это указывает лично-предикативная частица – б «*дарабаб*» ‘я одолел’. Улигершин Н. Иванов по-иному оформил вторую формулу. В записи П. Петрова формулы расширены за счет отглагольного прилагательного «*дараша үбэй*» ‘непобедимый’, «*булиша үбэй*» ‘неодолимый’. Глаголы даны в первом лице множественного числа «*дарабабди*» – ‘мы победили’, «*булибабди*» ‘мы одолели’, где лично-предикативная частица – *бди* показывает множество (бидэ – мы).

Большинство изложенных фактов свидетельствует о том, что улигершины П. Петров, П. Дмитриев, Н. Иванов, П. Тушемилов свой вариант улигера «Абай Гэсэра» усвоили в недрах унгинской эпической традиции. Следует отметить, что они сохранили не только сюжетную основу, но и в значительной мере и стилистические особенности, характерные типические места и эпические формулы. На наш взгляд, это не случайное совпадение, а подчеркивает устойчивость унгинской эпической традиции.

Огромное влияние на формирование эпического репертуара П. Тушемилова сыграла унгинская эпическая традиция. П.М. Тушемилов не замыкался в рамках семейной исполнительской традиции. Он воспринял значительную часть улигерных сюжетов из репертуара своих родственников, в то же время свои эпические знания расширял, общаясь с местными знатоками устной поэзии. Активно функционирующая унгинская эпическая среда способствовала пополнению эпического арсенала улигершина новыми сюжетами, мотивами, образами. Об этом свидетельствует введение П.М. Тушемиловым в свои повествования дополнительных эпизодов и мотивов, отличающих его от вариантов «учителя». Сюжетный состав, мотивы, поэтико-стилевые средства улигершина П.М. Тушемилова позволяют отметить устойчивое следование унгинской локальной традиции, которая стала основой формирования и развития его эпического репертуара.

Подытоживая сказанное, следует указать на то, что рассмотренные выше примеры подтверждают, что сказитель с богатым творческим потенциалом ориентируется не только на одного учителя, он активно усваивает лучшие достижения местной сказительской школы. В данном случае сказитель опирался на унгинскую эпическую традицию, которая не исчерпывается творчеством только одного мастера-улигершина. Ни один улигер, когда-либо услышанный П.М. Тушемиловым, не прошел для него бесследно. Улигершин своим творчеством и благодаря импровизаторскому таланту внес большой вклад в развитие эпического творчества унгинских бурят и в целом бурятского эпоса. Он, основываясь на унгинскую эпическую традицию и на эпическую память целого коллектива, стал, говоря словами другого унгинского сказителя Парамона Дмитриева, «лучшим знатоком бурятской старины во всей Унге» [Мадасон, ф. 18, оп. 1, д. 53].

Литература

Абай Гэсэр / Науч. зап. Т.М. Болдоновой; Пер., вступ. ст. и послесл. С.Ш. Чагдурова. Улан-Удэ, 2000.

Абай Гэсэр / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А.И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.

Дмитриев П.Д. Гэсэр / зап. Д. Хилтухина. Улан-Удэ, 1953.

Балдаев С.П. Абай Гэсэр хаан // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, оп. 1, д. 216.

Бурчина Д.А. Гэсэриада западных бурят: указатель произведений и их вариантов. Новосибирск, 1990.

Мадасон И.Н. Биография П. Тушемилова // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 18, оп. 1, д. 53.